

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Апальков Дмитрий Игоревич

**Внутрипартийная борьба в РКП(б) — ВКП(б)
(1920-е — начало 1930-х гг.)**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре истории России XX – XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Хлевнюк Олег Витальевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России XX—XXI вв.
исторического факультета ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Котеленец Елена Анатольевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России факультета
гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов»

Лившин Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории государственного и
муниципального управления факультета
государственного управления ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

Гусев Алексей Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории общественных движений
и политических партий исторического
факультета ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится 12 февраля 2018 г. в 16:30 часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.01 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119191, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-419. E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/82068611/>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Н.Г. Абрамова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В ходе политической борьбы в большевистском руководстве в 1920-е — начале 1930-х гг. определялся вектор партийно-государственного развития, предопределивший судьбу советской политической системы и социально-экономического уклада в СССР на несколько десятилетий. Этим обусловлен значительный интерес к данной проблематике, как в научной историографии, так и в широком общественном дискурсе. Активно исследуются и обсуждаются события, связанные с утверждением И.В. Сталина у власти, предположения о возможных вариантах развития страны и наличии несталинской альтернативы. В общественном сознании такие проблемы актуализируются в связи с продолжающимися дискуссиями о современных тенденциях политического развития России, его перспективах и целесообразности использования советского опыта. Внимание к данной тематике в научной историографии является не просто ответом на возросший общественный интерес, но и важной исследовательской задачей, связанной со значительным расширением источниковой базы, открытием новых фондов архивов КПСС, что позволяет обращаться к малоизученным аспектам внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. и исследовать это явление как комплексную проблему.

Степень разработанности проблемы исследования. Ключевая особенность советской историографии 1920-х — начала 1930-х гг. заключается в том, что она отражала сталинскую концепцию истории страны и партии. Это касалось и проблем внутрипартийной борьбы. Ключевое значение для формирования в начале 1930-х гг. в советской историографии единого стандарта описания внутрипартийной борьбы имело письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», напечатанное в октябре 1931 г. журналах «Большевик» и «Пролетарская революция»¹. Значительным событием для партийных историков сталинского периода стал выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». В нем Сталин был представлен как «самый стойкий защитник ленинизма и единства партии» в борьбе против «троцкистов», «зиновьевцев» и «бухаринцев», являвшихся «агентами буржуазии и кулачества». Методы борьбы «троцкистско-зиновьевского блока» однозначно оценивались как «двурушничество по отношению к партии и подлая демагогия (обман) по отношению к массам»².

Несмотря на некоторые изменения в подходах к истории 1920-х — 1930-х гг. и расширение источниковой базы, проблемы внутрипартийной борьбы оставались одной из наиболее консервативных областей исследования и в послесталинский период. С.В. Девятков по этому поводу пишет: «Правящая страной властная партийная группировка, многие члены которой принимали активное участие во внутрипартийной борьбе на стороне Сталина,

¹ Каширин С.В. Марксистская историческая наука в условиях внутрипартийной борьбы с правой оппозицией (1928—1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 99—101.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 228, 236.

была кровно заинтересована в недопущении всестороннего и объективного анализа»³. Лидеры оппозиций не были реабилитированы в период «оттепели». Соответственно оценки внутрипартийной борьбы оставались в основном прежними⁴.

Исследование внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. в западной историографии второй половины XX в. происходило в контексте преодоления упрощающих подходов тоталитарной парадигмы, в которой советский политический процесс рассматривался как движение к сталинской диктатуре, предопределенное ленинской революцией⁵. Ряд авторов, отвергавших тоталитарные концепции, считали тем не менее, что победа Сталина во внутрипартийной борьбе была отражением объективных потребностей развития советского социализма и модернизации страны⁶. Р.В. Даниелс, отвечая на вопрос о причинах поражения коммунистических оппозиций 1920-х гг., отмечал несколько факторов: их политическую слабость (разобщенность, нерешительность, непоследовательность и тактические промахи); закреплённый Лениным в 1921 г. принцип «единства партии», делавший противоестественным само существование внутрипартийных оппозиций; наконец, против оппозиции был сам «ход истории» — совокупность факторов способствовала развитию «бюрократической», «тоталитарной» социальной организации. По мнению Даниелса, Сталин преуспел во внутрипартийной борьбе, поскольку олицетворял этот «ход социальной эволюции»⁷.

Вызов таким концепциям был брошен, прежде всего, в работах, сосредоточенных на изучении деятельности Троцкого как альтернативы Сталину⁸. Широкое обсуждение и дискуссии вызвала политическая биография Бухари-

³ Девятков С.В. История изучения и осмысления процесса зарождения и становления единовластия в Советской России // Историография сталинизма. М., 2007. С. 63—64.

⁴ См., напр.: Тетюшев В.И. Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1961. № 3. С. 3—25; Рыженко Ф.Д., Угрюмов А.Л. Ленинская партия в борьбе с троцкизмом (1903—1927 гг.). М., 1969; Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928—1930). М., 1970; Иванов В.М. Борьба партии против антиленинских течений и групп в период строительства социализма. Л., 1973; Краснов А.В. ЦКК—РКИ в борьбе за социализм (1921—1934 гг.). Иркутск, 1973; Титов А.Г., Смирнов А.М., Шалагин К.Д. Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период (1917—1934 гг.). М., 1974; Дмитренко С.Л. Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976; Он же. Ленинский принцип коллективности руководства в деятельности КПСС (1924—1927 гг.). М., 1979.

⁵ Принципиальные положения тоталитарной концепции были сформулированы в работах З. Бжезинского, К. Фридриха и Х. Арендт (Brzezinski Z. The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge, Mass., 1956; Friedrich C.J., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, Mass., 1956; Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951). В русле этого подхода написаны широко известные работы А.Б. Улама и Л. Шапиро (Ulam A.B. The man and his era. N.Y., 1973; Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze, 1975).

⁶ Наиболее известными представителями этого подхода являлись Э.Х. Карр (Carr E.H. The Russian Revolution: From Lenin to Stalin (1917—1929). London, 1979) и Р. Такер (Tucker R.C. Stalin as Revolutionary, 1879—1929: A Study in History and Personality. N.Y., 1973). Работы Карра и Такера переведены на русский язык: Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1929. М., 1990; Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990. См. также статью А. Нойва: Nove A. Was Stalin really necessary? // Encounter. 1962. Vol. XVIII. № 4. P. 86—92.

⁷ Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1960. P. 398—407.

⁸ Deutscher I. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921—1929. London, 1959 (Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921—1929 гг. М., 2006); Broue P. The Political Struggles in Russia (1921—1929). London, 1987.

на, написанная С. Коэн⁹. Автор доказывал возможность «бухаринской альтернативы» сталинизму, что актуализировалось коренными реформами, происходившими в социалистическом Китае.

Общественное и научное внимание к истории внутрипартийной борьбы, деятельности оппозиций и личностям их лидеров резко усилилось в СССР в связи с разворачиванием «перестройки» в конце 1980-х гг. Юридическая реабилитация оппозиционеров и ослабление цензуры способствовали публикации новых источников¹⁰, статей и книг, опиравшихся на более широкую документальную базу. В центре внимания российских авторов в период «перестройки» находились оценки вариантов политического процесса, связанных с именами различных советских вождей и характеристики этих вождей. Споры о судьбе социализма в конце 1980-х гг. актуализировали дискуссии о внутрипартийной борьбе в 1920-е — начале 1930-х гг., потенциале ленинского социализма и нэпа и причинах победы Сталина¹¹. В «перестроечный» период на русский язык были переведены некоторые книги западных авторов¹². Таким образом, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в российской историографии происходило освобождение от старых концепций «демонизации» оппозиции и изначальной правоты сталинской линии.

«Архивная революция» начала 1990-х гг.¹³ придала мощный импульс развитию современного этапа историографии внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. Обобщая положения, сформулированные в новейшей историографии, можно отметить, что в литературе преобладает «сталиноцентричная» парадигма внутрипартийной борьбы¹⁴. Основные тезисы этой историографической модели можно сформулировать следующим образом: 1) внутрипартийная борьба в 1923—1927 гг. была продиктована сопер-

⁹ Cohen S.F. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888—1938. N.Y., 1973 (Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988).

¹⁰ Первым серьезным публикатором закрытых ранее архивных документов стал журнал «Известия ЦК КПСС». Так, в 1990 г. в этом журнале были опубликованы письмо Троцкого членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г. и «Заявление 46-ти», а в следующем году — документы, относящиеся к «литературной дискуссии» (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165—175; № 6. С. 189—194; 1991. № 7. С. 158—177; № 8. С. 179—196).

¹¹ См.: Горелов И.Е. Николай Бухарин. М., 1988; Старцев В.И. От «необъятной власти» к единовластию в партии (1922—1929 гг.) // Политическое образование. 1989. № 11. С. 66—75; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. Ч. 1—2. М., 1989; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М., 1990; Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 1990. С. 82—129; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; Козлов А.И. Сталин: борьба за власть. Ростов н/Д, 1991; Старков Б.А. Дело Рютина // Они не молчали. М., 1991. С. 145—177; Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992; Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; Горинов М.М., Цакунов С.В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. № 2. С. 72—95.

¹² Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988; Бруэ П. Главы из книги «Троцкий» // ЭКО. 1989. № 9. С. 160—174; № 10. С. 102—118; № 11. С. 156—170; Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879—1929. История и личность. М., 1990.

¹³ Подробнее см.: Козлов В.П. Публичность архивов и свобода архивной информации // Советская историография. М., 1996. С. 525—530.

¹⁴ Понятие «сталиноцентричная версия» применительно к историографии внутрипартийной борьбы 1920-х гг. встречается в работе А. Гетти (Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016. С. 165—166).

ничеством Сталина, Зиновьева и Троцкого за лидерство в партии («ленинское наследие»); 2) Сталин, которого в этой борьбе интересовал исключительно вопрос о сохранении и укреплении собственной власти, опирался на подчиненность ему кадрового аппарата, а также искусство коалиционной стратегии в сочетании с репрессивным потенциалом резолюции X партсъезда «О единстве партии»; 3) использование этих инструментов внутрипартийной борьбы позволило Сталину уже к концу 1927 г. закрепиться в роли политического преемника Ленина и сосредоточить в своих руках основные рычаги для утверждения единовластия; 4) усилия Бухарина, Рыкова и Томского в 1928—1929 гг. противостоять сталинизму изначально были обречены на поражение. Иными словами, согласно этой модели, поступательное продвижение Сталина к неограниченной власти являлось неизбежным процессом, обусловленным наличием у него бюрократической власти в сочетании с его расчетливыми, прагматичными действиями. При этом уже после XIV партсъезда ЦК находился в полном подчинении Сталина, а его политические оппоненты были бессильны ему противостоять, являясь по сути лишь объектами сталинских интриг и манипуляций. В основном таких позиций, имеющих, несомненно, важные основания, придерживаются авторы большинства наиболее значительных работ по политической истории 1920-х — 1930-х годов, опубликованных в последние десятилетия¹⁵.

Объяснительные концепции победы Сталина во внутрипартийной борьбе в значительной мере развиваются в рамках концепций, сформулированных в послевоенной западной историографии. Ряд историков следуют в русле положений «тоталитарной школы», утверждающей, что формирование сталинской диктатуры было неизбежным следствием того пути политического развития, который открыла революция большевиков¹⁶.

С.А. Павлюченков рассматривает победу Сталина во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. в русле рассуждений об исторической необходимости. «Государственник» Сталин, одержав победу над «ведомственностью» Троцкого и «клановостью» Зиновьева и сломав «изживший себя» нэп, создал «государственную мобилизационную систему», необходимую для осуществления форсированной индустриализации¹⁷. А.В. Шубин полагает, что «сталинская стратегия» в отличие от «троцкистской» и «правой» альтернатив в полной мере отвечала ожиданиям партийных функционеров: обеспечение быстрых темпов индустриального развития и достижение «марксистского идеала однородного общества, полностью управляемого из единого центра

¹⁵ См.: Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993; Девятков С.В. Единовластие в России. Возникновение и становление (1922—1927 гг.). М., 2000; Назаров О.Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002; Rees E.A. Stalin as Leader 1924—1937: From Oligarch to Dictator // The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924—1953 / edited by E.A. Rees. N.Y., 2004. P. 19—58; Service R. Stalin: a biography. Cambridge, Mass., 2005; Kotkin S. Stalin. Volume I: Paradoxes of Power, 1878—1928. N.Y., 2014.

¹⁶ См., напр.: Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 516, 601; Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система: 20-е годы. М., 2000. С. 301.

¹⁷ Павлюченков С.А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929. М., 2008. С. 283—460.

экономически и социально»¹⁸. Отметим также выраженную в ряде работ позицию, рассматривающую в качестве одной из причин утверждения сталинского единовластия патримонильные традиции российской власти¹⁹.

Традиционные подходы развивают и углубляют современные работы, отвергающие неизбежность сталинского поворота и противопоставляющие ему альтернативы Троцкого или Бухарина. Представители «троцкистской» историографической традиции утверждают, что Троцкий являлся наиболее адекватным выразителем «ленинского наследия», однако его поражение во внутрипартийной борьбе было фактически предрешено бюрократическим «перерождением» партии, нездоровым режимом «верхушечных» блоков, заменившим внутрипартийную демократию, а также имевшимися в распоряжении Сталина административными рычагами²⁰. Авторы, занимавшиеся изучением «бухаринской альтернативы» сталинизму, по-разному отвечали на вопрос о возможностях ее реализации²¹.

В последние десятилетия был опубликован ряд важных работ, раскрывающих на основе новых архивных документов основные эпизоды внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг., а также обобщающих проблематику власти и оппозиции²². Большое значение для понимания политических процессов в СССР в 1920-е — 1930-е гг. имеют работы, раскрывающие динамику общественных настроений в указанный период²³. Несомненный интерес также представляют исследования, посвященные осмыслению историографии советской политической истории 1920-х — 1930-х гг.²⁴

Необходимо также отметить публикации российских авторов, посвященные анализу идейно-теоретических разногласий в большевистском руководстве в 1920-е гг.²⁵ В работах Т. Кондратьевой и Н.С. Симонова исследова-

¹⁸ Шубин А.В. Вожди и заговорщики. М., 2004. С. 199—201, 370—371.

¹⁹ См., напр.: Гетти А. Указ. соч. С. 26—27; Павлова И.В. Указ. соч. С. 141—144.

²⁰ См., напр.: Роговин В.З. Была ли альтернатива? С. 358—370; Воейков М.И. Ленинское наследие: Зиновьев, Сталин, Бухарин или Троцкий? // Альтернативы: теоретический и общественно-политический журнал. 2010. № 1. С. 46—65.

²¹ Подробнее см. параграф 2.1. диссертации.

²² См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 89—174; Вводные статьи В.П. Данилова, А.Ю. Ватлина и О.В. Хлевнюка в многотомном издании документов: Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг.: в 5 т. Т. 1—5. М., 2000; Вилкова В.П. От составителя // РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М., 2004. С. 5—26; Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 127—245; Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 24—83; The lost Politburo transcripts: From collective rule to Stalin's dictatorship / edited by Paul R. Gregory and Norman Naimark. New Haven; London, 2008. P. 41—117, 135—164.

²³ См.: Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932 гг. М., 2010; Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928—1933 гг. М., 2010.

²⁴ См.: Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999; Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н.А. Симония. М., 2007.

²⁵ См.: Цакунов С.В. В лабиринте доктрины: Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М., 1994; Черняков С.Ф. Внутрипартийная борьба в ВКП(б). 1923—1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Панин Е.Л. Оппозиция в партии большевиков в 1925—1926 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

но значение исторических аналогий с Великой французской революцией в политическом дискурсе 1920-х гг.²⁶

Важной тенденцией историографии 1990-х — 2000-х гг. является постепенное перемещение фокуса внимания историков с рассмотрения политической борьбы в большевистских «верхах» на детальное изучение феномена оппозиции 1920-х гг.: деятельности и состава ее участников в конкретных регионах, политических практик лидеров оппозиции и формирования их политической идентичности и т.п.²⁷

Проделанный историографический анализ показывает, что наиболее глубоко изучены доктринальные аспекты внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг., общие программы и взгляды лидеров противоборствующих сторон. На основании новых источников уточняется ход основных событий внутрипартийной борьбы, методы борьбы с оппозицией и инакомыслия в руководстве партии. Преобладающим подходом к проблеме остается объяснение многообразных предпосылок и причин победы сталинской группы. Заметна тенденция считать приход Сталина к единоличной власти единственным возможным исходом внутрипартийной борьбы в 1920-е гг. Практически отсутствуют работы о модели коллективного большевистского руководства, опиравшейся на прочные партийные традиции и сложившиеся институты. Недостаточно изучена проблема потенциала коллективного руководства, олигархического устройства власти, сохранившегося в течение нескольких лет после отхода Ленина от дел и даже некоторое время после победы группы Сталина. Комплексному, всестороннему исследованию внутрипартийной борьбы и ее результатов препятствует слабая изученность таких важных неформальных аспектов политического процесса, как личные отношения внутри Политбюро на разных этапах, изменение баланса сил в высшем эшелоне власти, факторы, в том числе субъективные и случайные, влиявшие на эти изменения. С учетом такого состояния историографии определены объект, предмет, цель и задачи данной диссертации.

Объект исследования — внутрипартийная борьба в большевистской партии в 1920-е — начале 1930-х гг.

²⁶ См.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Симонов Н.С. Термидор, брюмер или фрюктидор. Эволюция сталинского режима власти: прогнозы и реальность // Отечественная история. 1993. № 4. С. 3—18.

²⁷ См., напр.: Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919—1924 гг. Новосибирск, 1992; Демидов В.В. Дискуссии и внутрипартийная борьба в большевистских организациях Сибири (ноябрь 1919 г. — декабрь 1929 г.). Новосибирск, 1997; Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000; Анфертьев И.А. Деятельность «Союза марксистов-ленинцев». М.Н. Рютин и борьба за власть в 1928—1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004; Шарабаров П.Н. «Правый уклон» в социально-политической жизни Вятского региона в 1928—1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2010; Скоркин К.В. Обречены проиграть. (Власть и оппозиция). М., 2011; Гусев А.В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85—103; Он же. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // За справедливость и свободу: Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. М., 2014. С. 53—61; Резник А. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923—1924 годы. СПб., 2017; Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918—1928. Pittsburgh, 2007.

Предмет исследования — механизмы политической борьбы в высшем эшелоне большевистской партии в 1920-е — начале 1930-х гг. и связанная с этим эволюция модели власти: система коллективного руководства и политическая культура большевистских лидеров; их влияние на внутрипартийную борьбу; изменение неформальных отношений и баланса сил внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить внутрипартийную борьбу в 1920-е — начале 1930-х гг. как процесс постепенного разрушения системы коллективного руководства большевистской партии.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- раскрыть сущность коллективного руководства как модели власти в большевистской партии в 1920-е гг., в рамках которой протекала наиболее важная фаза внутрипартийной борьбы;

- исследовать вопрос о соотношении различий в программных позициях большевистского руководства и иных мотивов, которыми руководствовались члены «руководящего коллектива» партии²⁸ в процессе внутрипартийной борьбы;

- изучить влияние механизмов коллективного руководства на ход и результаты внутрипартийной борьбы;

- проанализировать эволюцию неформальных отношений и баланса сил внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что сохранение и эволюцию коллективного руководства большевистской партии следует считать реальным вариантом политического развития в предвоенный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1922 по начало 1933 гг. Выбор нижней хронологической рамки исследования обусловлен тем, что в 1922 г. в связи с тяжелой болезнью Ленина баланс сил в коллективном руководстве большевистской партии претерпел значительные изменения и были созданы предпосылки для борьбы за лидерство в партии между «наследниками» Ленина. Выбор верхнего хронологического рубежа связан с тем, что в январе 1933 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК, разгромивший последнюю антисталинскую группу, имевшую отношение к ЦК ВКП(б).

Методологическую основу исследования составляют базовые принципы исторического исследования — историзм, научная объективность и системность. Ведущим методом является историко-генетический метод, позволяющий показать причинно-следственные связи и закономерности развития неформальных отношений в большевистском руководстве в условиях внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг.

Проблемы, находящиеся в центре внимания данной диссертации, разрабатываются на современном этапе в рамках «новой политической истории», отличающейся особым интересом к политической культуре и нефор-

²⁸ О значении этого понятия см. параграф 1.1. диссертации.

мальным политическим отношениям. Под политической культурой понимается «определенный образец ориентаций на политическое действие»²⁹. В качестве одной из важнейших характеристик политической культуры нами рассматривается сфера допустимого и запретного: «Политика есть искусство возможного в условиях или ситуации невозможного»³⁰. Использование междисциплинарного подхода в рамках настоящей диссертации проявляется в обращении к положениям теории социального конфликта, касающимся генезиса и развития конфликтов в жестко структурированных (закрытых) группах³¹.

Источниковая база исследования. Основу работы составляет новый комплекс архивных документов — тематическая папка архивного фонда Политбюро, переданная в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171) из Архива Президента Российской Федерации. Материалы этой папки представляют собой обширный комплекс документов, отложившихся в архиве Политбюро: приложения к постановлениям и разного рода дополнительные материалы, на основе которых происходило обсуждение вопросов и принятие по ним решений (заявления, черновые наброски документов, письма, докладные записки, справочная информация и т.п.). Особенное внимание следует обратить на то, что данная тематическая папка включает в себя также материалы делопроизводства фракционной «семерки», раскрывающие подробности деятельности этого теневого органа власти.

Представляет интерес коллекция документальных материалов по истории левой оппозиции 1920-х гг. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71). Данная коллекция была создана в 1965 г. в результате поступления в Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС двух больших групп документов: архива деятеля левой оппозиции И.Я. Врачева и документов из сектора учета руководящих работников ЦК КПСС. Коллекция представляет собой списки участников левой оппозиции и краткие биографические справки на некоторых из них, а также заявления деятелей оппозиции в адрес партийного руководства и распространявшиеся оппозиционерами статьи и листовки.

«Архивная революция» позволила исследователям получить доступ к изучению протоколов заседаний Политбюро. Подписные экземпляры протоколов заседаний Политбюро, оформлявшиеся в виде машинописных брошюр (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3, 162) содержат минимальное количество информации о деятельности высшей партийной инстанции: это краткие записи в формате «слушали — постановили». Подлинные протоколы Политбюро (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163) примечательны тем, что в их составе находятся стенограммы заседаний Политбюро, относящиеся к периоду 1920—1930-х гг.

²⁹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 8.

³⁰ Сенокосов Ю. Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М., 2005. С. 35.

³¹ См.: Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

Стенограммы заседаний Политбюро³² и пленумов ЦК³³ являются важнейшим источником, предоставляющим возможность изучать механизмы функционирования коллективного руководства и характер взаимоотношений членов высших партийных органов на различных этапах внутрипартийной борьбы. Стенографирование заседаний Политбюро и пленумов ЦК выступало в качестве своеобразного атрибута коллективного руководства — информационного канала, позволяющего лидерам партии доводить свои взгляды до сведения относительно широкого круга партийных функционеров. Характеризуя ценность стенограмм Политбюро и пленумов ЦК как исторического источника, добавим, что участники заседаний, увлеченные полемикой, иногда сообщали некоторые важные подробности неформальных совещаний и встреч. Следует отметить, что, несмотря на познавательный потенциал стенограмм как исторического источника, они до сих пор слабо введены в научный оборот.

Значительную ценность представляют документы личных фондов членов Политбюро, хранящиеся в РГАСПИ: Сталина (фонд 558), Троцкого (фонд 325), Зиновьева (фонд 324), Каменева (фонд 323), Бухарина (фонд 329), Орджоникидзе (фонд 85).

Отметим, что некоторые важные документы по внутрипартийной борьбе 1920-х гг., извлеченные из архивов (письма, заявления, стенограммы выступлений большевистских руководителей), были опубликованы в документальных сборниках³⁴.

Источники личного происхождения по истории внутрипартийной борьбы 1920 — начала 1930-х гг. представлены перепиской большевистского руководства и мемуарной литературой. Переписка большевистского руководства, наряду со стенограммами Политбюро и пленумов ЦК, является важнейшим источником для исследования неформальных отношений внутри большевистского руководства на различных этапах внутрипартийной борьбы. Значительная часть писем, отложившихся в личных архивных фондах партийных деятелей, была опубликована в сборниках документов³⁵. Гораздо

³² См.: Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923—1938 гг.: в 3 т. / Под ред. К.М. Андерсона, А.Ю. Ватлина, П. Грегори, А.К. Сорокина, О.В. Хлевнюка. М., 2007. Неизвестные ранее стенограммы объединенных заседаний Политбюро от 30 января и 9 февраля 1929 г. были обнаружены нами в ходе изучения архивных материалов (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 179—181).

³³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 (пленумы ЦК РКП(б) — ВКП(б) VII—XVIII созывов); Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928—1929 гг.: в 5 т. / Отв. ред. В.П. Данилов, О.В. Хлевнюк, А.Ю. Ватлин. М., 2000.

³⁴ См.: РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. / Отв. сост. В.П. Вилкова. М., 2004; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927: в 4 т. / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1990; Л.Д. Троцкий. Архив в 9 томах: Том 1 / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_t1.txt

³⁵ См.: Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927 / Сост. А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1996; Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999; Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. / Сост. Л.П. Кошелева, В.С. Лельчук, В.П. Наумов, О.В. Наумов, О.В. Хлевнюк. М., 1995; Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001.

меньшую ценность представляют мемуарные свидетельства³⁶ в силу значительной субъективности этой категории источников.

Научная новизна диссертации заключается как в попытке изменения традиционных подходов к исследованию внутрипартийной борьбы в 1920-е — начале 1930-х гг., так и в привлечении новых архивных материалов, в том числе тех, которые позволяют изучать сущность неформальной («теневой») стороны внутрипартийной борьбы. Избранный нами подход позволяет в некоторой степени пересмотреть положения «сталиноцентричного» изучения проблемы и углубить понимание процесса генезиса сталинской диктатуры в недрах большевистского руководства. Представленная в данном диссертационном исследовании концепция внутрипартийной борьбы построена на выводах, расширяющих исторические знания относительно политической культуры большевистских руководителей, логики их поступков и решений в том или ином эпизоде внутрипартийной борьбы. Кроме того, один из элементов научной новизны диссертации видится в комплексном изучении вопроса в широких хронологических рамках, предоставляющих возможность получить необходимый уровень обобщения и систематизации знаний по данной теме.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации и ее выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении различных проблем советской политической истории 1920-х — начала 1930-х гг., а также при подготовке специальных курсов по истории высших органов власти в СССР и политической конфликтологии.

Апробация результатов исследования. По материалам исследования были подготовлены выступления на следующих конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» и «Ломоносов-2014» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 8—13 апреля 2013 г. и 7—11 апреля 2014 г.), Международная конференция молодых ученых и специалистов «Clio-2013», «Clio-2014» и «Clio-2015» (РГАСПИ, 10—12 апреля 2013 г., 9—10 апреля 2014 г. и 9—10 апреля 2015 г.), Молодежная научно-практическая конференция «Наше наследие» (гостиничный комплекс «Измайлово» (г. Москва), 21 октября 2015 г.), XIII Всероссийская научная конференция «Лазаревские чтения» (филиал МГУ в г. Севастополе, 25—27 ноября 2015 г.). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XX—XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. По теме диссертации опубликовано 9 научных статей общим объемом 5,9 п.л.

Структура диссертации включает введение, две главы, заключение, список источников и литературы.

³⁶ См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991; Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996; Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992; Ларина (Бухарина) А.М. Незабываемое. М., 1989; Авторханов А. Технология власти. М., 1991.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрыта актуальность темы, проанализирована историография вопроса, определены объект и предмет, цель и задачи, сформулирована гипотеза исследования, обозначены его хронологические рамки, охарактеризована методология, проанализирована источниковая база, обоснована новизна и научно-практическая значимость работы, представлена апробация результатов исследования.

В **главе 1 «Коллективное руководство и столкновения в Политбюро в 1922—1927 гг.»** рассматривается как институциональная, так и неформальная сторона политической борьбы в высшем эшелоне большевистской партии в 1922—1927 гг.: исследуются особенности коллективного руководства как модели власти, влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу в указанный период, изменение неформальных отношений и баланса сил внутри большевистского руководства, анализируются факторы, определявшие процесс разрушения коллективного руководства.

В **параграфе 1.1. «Коллективное руководство большевистской партии как модель власти»** проанализированы характерные черты коллективного руководства, его состав и политическая культура. Коллективное руководство большевистской партии — это олигархическая модель власти, гарантами которой являлись наиболее авторитетные члены Политбюро. Второй эшелон «руководящего коллектива» составляли члены ЦК и ЦКК. Настроения «единства», доминировавшие в сознании большевистской элиты, обусловили крайне негативное восприятие внутрипартийной борьбы. Необходимо отметить, что соблюдение принципа «единства» вступало в противоречие с нормами внутрипартийной демократии. Переход конфронтации между членами высшего руководства партии в публичную сферу неизбежно приводил к обострению конфликта и создавал видимость слабости большевистской диктатуры. Кроме того, делается вывод о том, что должность генерального секретаря ЦК предоставляла Сталину серьезный административный ресурс, однако этот фактор нельзя считать решающим, рассматривая вопрос о причинах победы Сталина во внутрипартийной борьбе и разрушения коллективного руководства.

В **параграфе 1.2. «Коллективное руководство и Троцкий: "чужой" среди "своих" (1922—1924 гг.)»** рассматривается внутрипартийная борьба в 1922—1924 гг. Болезнь Ленина спровоцировала обострение противоречий в высшем эшелоне власти, поскольку впервые встал вопрос о политических наследниках Ленина. Ленину была выгодна равновесная ситуация в Политбюро, поэтому он видел в Троцком фигуру, которую можно было использовать в качестве политического противовеса «тройке» (Зиновьев, Каменев, Сталин). По этой причине в конце 1922 г. произошло некоторое политическое сближение Ленина и Троцкого, направленное против «тройки». Потенциал этого политического союза не был реализован по причине резкого ухудшения здоровья Ленина.

Троцкий, несмотря на конфронтацию с «тройкой» и некоторое ослабление позиций в Политбюро и ЦК, до осени 1923 г. обладал особым политическим статусом «третьей силы», способной уравновесить расстановку сил в высшем эшелоне власти. Об этом свидетельствует проект реорганизации Секретариата ЦК, одобренный на «пещерном совещании» летом 1923 г. Вопрос о реализации данного проекта был вытеснен более актуальной германской проблемой, однако в дальнейшем Троцкий вполне мог извлечь политическую выгоду в случае нового обострения противоречий внутри «тройки» и снова выйти на ведущие роли в Политбюро и ЦК.

Составление и распространение Троцким и его сторонниками оппозиционных документов в последние месяцы 1923 г. являлось грубым нарушением правил коллективного руководства. Демократическая риторика Троцкого и «группы 46-ти» воспринималась руководящим большинством партии как угроза диктатуре большевистской партии, основанной на полном контроле над партийно-государственным аппаратом. Поражение левой оппозиции в общепартийной дискуссии 1923/24 гг. было обусловлено не только административным ресурсом, который был задействован руководящим большинством. Старая партийная гвардия из соображений «единства» приняла сторону большинства ЦК. В общем, борьба за внутрипартийную демократию в рамках большевистской диктатуры была обречена на поражение.

«Семерка», созданная в августе 1924 г., являлась теневым органом власти, предназначенным прежде всего для консолидации большинства членов Политбюро и преодоления внутренних конфликтов между ними. Троцкий был изолирован от реального процесса принятия решений в Политбюро, поскольку воспринимался «руководящим коллективом» в качестве главной угрозы внутреннему единству. Выпад Троцкого против Зиновьева и Каменева осенью 1924 г. привел в действие защитные механизмы «семерки», выразившиеся в виде массовой кампании по разоблачению Троцкого и его взглядов.

В параграфе 1.3. «Разгром левых оппозиций и механизмы коллективного руководства в 1925—1927 гг.» рассматривается политическая борьба в высшем эшелоне власти в 1925—1927 гг. До конца 1925 г. защитные механизмы «семерки» эффективно сдерживали обострение конфронтации внутри Политбюро. «Дуумвират» Сталина и Бухарина и лидеры «новой оппозиции» Зиновьев и Каменев, руководствуясь негласной «конституцией» «семерки», избегали прямых публичных обвинений, стремились предотвратить эскалацию конфликта. Примечательно, что «дуумвират», вокруг которого сплотилось большинство Политбюро и ЦК, был готов на примирение с Зиновьевым и Каменевым в том случае, если «ленинградская оппозиция» не будет выступать с критикой «генерального курса» на XIV съезде. В целом, создание и функционирование фракционной «семерки» следует считать проявлением гибкости модели коллективного руководства, поиском оптимального формата взаимоотношений внутри Политбюро.

Делается вывод о том, что на разных этапах внутрипартийной борьбы Троцкий и Зиновьев допускали ошибки, непростительные с точки зрения основополагающих принципов коллективной модели власти. Своими недуманными действиями они настраивали против себя большинство членов «руководящего коллектива», создавали впечатление о себе как об угрозе «единству» партии. На их фоне Сталин представал в образе спокойного, уравновешенного лидера, способного предотвратить раскол в партийных рядах, обеспечить мир в большевистской партии и незыблемость ее диктатуры. По этой причине в решающие моменты внутрипартийной борьбы Сталину удавалось заручиться необходимой поддержкой в высшем эшелоне власти.

В первой половине 1926 г. стенографирование заседаний Политбюро — один из своеобразных атрибутов коллективного руководства — выполняло функцию «защитного клапана», который препятствовал переходу внутрипартийной борьбы в стадию прямых публичных столкновений. Однако осенью 1926 г. стенограммы Политбюро получили новую область применения. Содержание стенограмм Политбюро от 8, 11 октября 1926 г. и 8 сентября 1927 г. показывает, что фракция большинства использовала этот руководящий орган для проведения высшего партийного суда над лидерами оппозиции, прибегнувшими к запрещенным методам фракционной борьбы. Вместе с тем Сталин, заметно укрепивший свое положение благодаря борьбе с лидерами «объединенной оппозиции», по-прежнему вынужден был считаться с мнением других членов «руководящего коллектива». Об этом, в частности, свидетельствует сильное сопротивление, с которым он столкнулся в конце 1926 — начале 1927 гг. по вопросу об оппозиции и некоторым другим вопросам.

В главе 2 «Завершающий этап внутрипартийной борьбы и предпосылки изменения характера власти (1928—1932 гг.)» рассматривается ход и механизмы политической борьбы в высшем эшелоне большевистской партии в 1928—1932 гг.: исследуется сущность так называемой «бухаринской альтернативы», влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу в указанный период, изменение неформальных отношений и баланса сил внутри большевистского руководства, анализируются особенности внутрипартийной борьбы на раннем этапе утверждения сталинской диктатуры.

В параграфе 2.1. «Наращение кризиса и механизмы коллективного руководства в 1928 — начале 1929 гг.» рассматривается период противостояния Сталина и группы Рыкова—Бухарина. В конце 1920-х гг. в высшем партийном руководстве столкнулись две стратегии экономического развития. Сталинской стратегии, основанной на политизированных силовых установках, противостоял бухаринско-рыковский вариант развития, предполагавший сочетание административных мер и методов экономического регулирования. Вместе с тем сохранялась возможность выработки компромиссного, относительно сбалансированного экономического курса. При этом следует отме-

тить, что изначально в «руководящем коллективе» было немного твердых сторонников сталинской стратегии, поскольку курс на насилие в деревне создавал угрозу новой крестьянской войны и «нового Кронштадта». Характерно, что в 1928 г. курс на продолжение политики «чрезвычайщины» не имел однозначной поддержки даже в ближайшем окружении Сталина.

Баланс сил, сложившийся в высшем эшелоне большевистской партии в 1928 г., обусловил значительное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу. Они препятствовали обострению внутрипартийной борьбы и перенесению дискуссии в публичную сферу. С одной стороны, этот фактор не позволял «правым» апеллировать к общественному мнению и тем самым лишал их важного преимущества. В условиях скрытого противостояния Сталин в полной мере реализовал потенциал имевшейся в его распоряжении аппаратной власти. С другой стороны, группе Рыкова—Бухарина, опиравшейся на механизмы коллективного руководства, удавалось некоторое время ограничивать развитие сталинского курса на радикализацию экономической политики. В конце 1928 г. Сталин по-прежнему не мог рассчитывать на то, что «руководящий коллектив» поддержит исключение «правых» из Политбюро. Более того, благодаря действию механизмов коллективного руководства Бухарин и Томский в конце 1928 — начале 1929 гг. использовали «метод отставок» в качестве эффективного инструмента политического давления.

В параграфе 2.2. **«Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. и формирование сталинского большинства»** рассматриваются обстоятельства проведения, особенности полемики и историческое значение объединенных заседаний Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. Данные заседания изначально задумывались в качестве высшего партийного суда над «правыми». Содержание полемики, происходившей на этих заседаниях, свидетельствует о том, что изданная троцкистами запись о тайном разговоре Бухарина с Каменевым стала триггером, создавшим в коллективном руководстве впечатление о «бухаринской группе» как о потенциальном организаторе очередной оппозиционной фракции — внутренней силе, являющейся источником угрозы раскола в партии. В общем, усталость, накопившаяся в коллективном руководстве от многолетней внутрипартийной борьбы, позволила Сталину успешно использовать опубликованный троцкистами компромат на Бухарина, чтобы сплотить вокруг себя большинство членов Политбюро и ЦК, а также Президиум ЦКК. Благодаря этой поддержке Сталину удалось нанести сокрушительный удар по позициям Бухарина, Томского и Рыкова в коллективном руководстве, предопределив его разрушение.

В параграфе 2.3. **«Начальный этап утверждения сталинской диктатуры и остатки коллективного руководства (начало 1930-х гг.)»** рассматриваются особенности внутрипартийной борьбы на раннем этапе утверждения сталинской диктатуры. Поражение «бухаринской группы» привело к превращению Политбюро и ЦК в сталинскую фракцию. В отличие от кон-

фликтов в Политбюро, происходивших в 1920-е гг., внутрипартийная борьба в начале 1930-х гг. имела совершенно иную природу. Она была обусловлена отнюдь не политическими амбициями членов Политбюро, как это было ранее. К началу 1930-х гг. в высшем эшелоне партийной власти не осталось деятелей, способных составить Сталину конкуренцию в борьбе за власть. Движущей силой внутрипартийной борьбы в начале 1930-х гг. была реакция некоторых членов ЦК и представителей старой партийной гвардии на социально-экономические последствия ультралевой политики Сталина. Вместе с тем, запущенный в 1920-е годы механизм подавления внутрипартийного инакомыслия и усиления преобладания единого лидера приобрел в начале 1930-х годов дополнительные основания. В условиях экономического и социального кризиса начала 1930-х гг. угроза гражданской войны и столкновения партии с широкими слоями населения, в частности с коллективизируемым крестьянством, рассматривалась в «руководящем коллективе» партии как более серьезная, чем угроза традициям коллективного руководства. В результате к концу 1932 г. грань между инакомыслящими и контрреволюционерами оказалась стертой. Эти изменения открывали перспективу для утверждения сталинской диктатуры, которое окончательно произойдет позднее, вследствие проведения чисток 1937—1938 гг.

В **заключении** формулируются выводы, сделанные в результате исследования. Изучение внутрипартийной борьбы 1920-х — начала 1930-х гг. как комплексной проблемы, учитывающей как объективные условия политического процесса, так и неформальные, субъективные факторы является необходимым условием более глубокого понимания этого важнейшего феномена отечественной истории. Традиции и механизмы коллективного руководства оказывали значительное влияние на ход и результаты внутрипартийной борьбы. Судьба коллективного руководства зависела во многом от субъективного фактора — способности большевистских вождей соблюдать правила негласной «конституции» коллективного руководства, отстаивать свои позиции в борьбе за власть, не перенося противоречия в фазу открытого противостояния.

Результаты исследования подтверждают гипотезу, сформулированную во вводной части диссертации, а именно: сохранение в 1920-е гг. коллективного руководства большевистской партии являлось реальным вариантом эволюции системы власти. Его несостоятельность была результатом действия как объективных факторов социально-экономического и политического развития страны, так и комплекса субъективных причин, к числу которых относилась череда грубых ошибок политических конкурентов Сталина, выводивших их за рамки «легальности», установленные в коллективном руководстве. Перспективы дальнейшей разработки данной проблематики видятся нам в изучении влияния на внутрипартийную борьбу клиентелистских практик и комплексном исследовании участия ОГПУ в перипетиях внутрипартийной борьбы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Императивом коллективного руководства было ригористическое соблюдение принципа «единства» как условия сохранения прочности диктатуры большевистской партии и стабильности в высшем эшелоне власти. В сознании большевистской элиты открытое противостояние между членами «руководящего коллектива» партии прочно связывалось с угрозой повторения «кронштадтских событий». При этом традиционным для коллективного руководства было сравнительно снисходительное отношение к оппозиционерам и инакомыслящим из числа заслуженных партийных деятелей.

2) Процесс разрушения коллективного руководства в 1925—1927 гг. был обусловлен личными амбициями и ошибками Зиновьева и Троцкого, которые обратились к методам фракционной борьбы, стремясь перенести в фазу открытого противостояния имевшиеся внутри «руководящего коллектива» партии противоречия, которые носили не принципиальный, антагонистический, а тактический характер и явно не соответствовали остроте конфликта. Тем самым они грубо нарушали нормы и традиции коллективного руководства.

3) В связи с усилением внутрипартийной борьбы стенографические отчеты заседаний Политбюро предоставляли лидерам «объединенной оппозиции» легальную возможность выражения своей политической платформы и критики оппонентов. Стенографирование заседаний Политбюро выполняло функцию «защитного клапана», который канализировал взаимную дискредитацию сторон, препятствуя переходу внутрипартийной борьбы в стадию прямых публичных столкновений. Однако впоследствии стенографирование заседаний руководящих органов партии и последующая рассылка стенограмм партийному активу получили новую область применения, превратившись в средство расправы над членами Политбюро и ЦК, уличенными в оппозиционной деятельности или инакомыслии.

4) Несмотря на острую внутрипартийную борьбу 1926—1927 гг. и усилившееся влияние Сталина, Политбюро оставалось органом выработки коллективных решений. Сильное сопротивление, с которым Сталин столкнулся в конце 1926 — 1927 гг. по вопросу об оппозиции и некоторым другим вопросам, свидетельствует о том, что в указанный период по-прежнему сохранялось серьезное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на принятие решений в высшем эшелоне власти.

5) Исход противостояния Сталина и группы Рыкова—Бухарина в 1928—1929 гг. не был заранее предопределен. Баланс сил, сложившийся в высшем эшелоне большевистской партии в 1928 г., обусловил значительное влияние традиций и механизмов коллективного руководства на внутрипартийную борьбу. По существу, поражение «правых» и разрушение коллективного руководства стало возможным только после того, как Сталин, используя грубую политическую ошибку Бухарина, сплотил вокруг себя большинство членов «руководящего коллектива» партии.

6) Сохранение в 1920-е гг. коллективного руководства большевистской партии являлось реальной возможностью. В основе поражения этого варианта политического развития лежали как некоторые объективные факторы социально-экономического и политического развития страны, так и комплекс субъективных причин — череда грубых ошибок политических конкурентов Сталина, выводивших их за рамки «легальности», установленные в коллективном руководстве.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях автора:**

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология):

1. Апальков Д.И. Дебаты в Политбюро как инструмент внутрипартийной борьбы в большевистской партии 1925—1927 гг. // Клио. 2016. № 5. С. 93—101. (1,2 п.л.)
2. Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба и механизмы коллективного руководства ВКП(б) в 1928 — начале 1929 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 4. С. 8—23. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.4.23381 (1,3 п.л.)
3. Апальков Д.И. Объединенные заседания Политбюро и Президиума ЦКК 30 января и 9 февраля 1929 г. и их значение в истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг. // Клио. 2017. № 8. С. 106—113. (1 п.л.)
4. Апальков Д.И. Была ли реальная альтернатива формированию личной диктатуры Сталина? (новый взгляд) // Преподавание истории в школе. 2017. № 7. С. 74—76. (0,4 п.л.)

Другие публикации по теме диссертации:

1. Апальков Д.И. Болезнь Ленина и рождение «тройки» // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых специалистов и ученых «Сlio-2013». М.: РОССПЭН, 2013. С. 18—22. (0,2 п.л.)
2. Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в РКП(б) (1922—1923 гг.) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV Международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2014». М.: РОССПЭН, 2014. С. 27—30. (0,2 п.л.)
3. Апальков Д.И. Общепартийная дискуссия в РКП(б) 1923/24 гг.: механизмы политической борьбы // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конферен-

- ции молодых ученых и специалистов «Сlio-2015». М.: РОССПЭН, 2015. С. 21—24. (0,2 п.л.)
4. Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба и укрепление сталинской власти в 1922—1926 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. Т. 18. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2016. С. 22—26. (0,5 п.л.)
5. Апальков Д.И. Политическая борьба в партии большевиков в 1925—1926 гг.: «дуумвират» против «новой оппозиции» // Русский исторический сборник. Т. 10. М.: АНО «Журнал "Русская история"», 2016. С. 27—39. (0,9 п.л.)